

Полевая баня

Заметка "Экстрим-2001", напечатанная в вашей газете, навеяла на меня воспоминания. Вы рассказывали, как

молодежь испытала себя на выживание в экстремальных условиях, а мое поколение проверяла на прочность война...

Очень часто на фронте нельзя было разводить костры и даже открыто курить, потому что в сторону отблеска огонька папирсы противник немедленно открывал ураганный огонь. Курили лежа на дне окопа, прикрываясь шинелью. Бывало, пока куришь, начнется артобстрел, приходилось долго лежать на мерзлой земле. В эти часы казалось, что время замерло. Руки-ноги немели, а тело становилось чужим. И что удивительно — после таких "процедур" никто не простывал.

Вспоминаю еще один случай. Мы стояли в обороне, в Белоруссии. Противник не проявлял особой активности, поэтому нашу роту сняли с передовой и временно отправили в тыл. Командиры сказали бойцам: будем мыться в бане. Мы так обрадовались, хотя и недоумевали: какая баня? Вокруг — ни одной построй- ки, голое снежное поле да

скованная льдом река. Однако мы все же помылись! На берег реки привезли чудо-машину: локомотив. Мы ее видели впервые. Из труб собрали каркас, покрыли брезентом. На снегу раскидали деревянные решетки, в душевые рожки подали теплую воду. Разделись на улице и, как говорится, милости просим помыться! Мы были рады и такой полевой бане, тем более что потом выдали новое белье. На фронте я был три года и больше ни разу не пришлось мыться в бане. Летом купались в реках, там же стирали гимнастерки и рубашки, выжимали их посильнее, а сушили уже на себе, не было времени ждать.

Вот такие мысли пробуждала во мне эта заметка. С днем Победы вас, дорогие мои земляки!

Д.Г. Урсегов,
участник Великой
Отечественной войны.

Судьба забросила отца и сына Ланцовых в небольшой уральский городок весной 1944 года. Их мобилизовали из Ставропольского края на Воткинский машиностроительный завод. В августе Ланцов-старший умер от дистрофии. Пятнадцатилетний Тихон остался круглым сиротой, один-одинешенек, в чужом краю...

Воткинск
стал родным

Вспоминая то время, Тихон Кузьмич признается, что пришлось нелегко. Еще не прошла боль от утраты мамы, а тут — отец, и кругом война. Пришлось хлебнуть горя, помочь-то некому. Ходил в брезентовых ботинках, довольствовался столовской похлебкой, в которой плавало несколько кусочков картошки да капуста. Но не унывал парень. Говорит, был молод, хотел жить и свято верил в победу, поэтому не замечал трудностей. Повезло ему, что жил не с молодежью, а во взрослом бараке, где остался после смерти отца. Старшие товарищи поддерживали трудолюбивого, уважительного юношу, который не курил, не хулиганил, не пил. «От них ума-то и набрался», — признался Тихон Кузьмич.

С мая 1944 года юноша трудился в столярном цехе № 35. Их бригада, где в основном были деревенские мальчишки и девчонки, сколачивала поддоны под пушки для самоходных орудий. Не по годам серьезного, энергичного парня назначили бригадиром. Работали по восемь часов, но часто приходилось оставаться и на 10-12. Все

зависело от того, какое получат задание, из цеха не выходили, пока не выполнят. А делали все сообща: кто-то заготавливал рейки, кто-то сколачивал решетки. Затем партию поддонов везли в цех № 19, там устанавливали на них пушки, закрепляли, укупоривали и шли обратно готовить следующую партию.

Дисциплина была суровая. Опоздал на работу на 20 минут — приказ по заводу, а если на 21 минуту — уже отдавали под суд. И присуждали кому принудительные работы с отчислением заработка в пользу государства, кому и построжу. Уже после войны Тихону дали две недели отпуска, и он поехал на родину. Добирался на товарняках, две недели провел в пути, да немного опоздал. Испытал и он на себе, что значит шесть месяцев платить 20 процентов из зарплаты.

Много воды утекло с тех пор. Виски ветерана убелила седина, а грудь украсили ордена и медали. Трудовая закалка военных лет вывела его на прямую дорогу, а маленький уральский городок стал родным домом.

Людмила Чубукова.

Один из артдивизиона

Время неумолимо. Все меньше остается в строю ветеранов, чью молодость война опалила огнем. Наш земляк Григорий Лазаревич Мокрецов — один из двух оставшихся в живых заводчан, сражавшихся в артдивизионе имени Комсомола Удмуртии. Он вспоминает:

— Война началась, когда мне было 13 лет. Пошел работать на завод токарем, в механический цех №50, где делали детали для пушек. У нас работал технолог ленинградец Никитин, и, когда питейцы выступили с предложением организовать артдивизион, он предложил поддержать эту идею, мы все согласились. Помню, подходит ко мне Никитин, а я валики точил для пушки, и говорит: "Есть у тебя, Мокрецов, готовые валики?" "Нет", — отвечаю. Встал за станок и выточил. А он взял еще теплую деталь, завернул в газету и говорит: "Вот, товарищи, это — первая деталь для пушки арт-

дивизиона имени Комсомола Удмуртии".

Когда формировали отряд добровольцев, меня не взяли — мал еще, сказали, подрасти. Я работал, не выходя из цеха, зарабатывал по 2-3 тысячи рублей, но все время просился на фронт. Наконец, весной 1943 года, в третье пополнение зачислили и меня. Мне тогда только пятнадцать исполнилось. Все вышло так неожиданно — не успели, видимо, повестку домой отправить. Утром в проходной пропуск мне не дают, говорят: иди в отдел кадров. Пока бежал, все думал: что натворил? А пришел, там уже ждут ребята,

все с котомками, готовые к отправке на фронт. Опять бегом домой. Дали мне родители буханку хлеба, кружку, ложку — и на вокзал. В поезд заскочил на бегу.

Пополнение — 41 человек — отправили в запасной полк на Смоленщину. Месяц обучали. Жили в землянках, которые сами построили. И на фронт! Первый Украинский. Я был заряжающим орудия, некогда было смотреть, как бой идет. Кончится он: если много потерь, значит, сильным был. Никогда не считал, сколько фашистов подбил. Знал свое дело — подавать снаряды да заряжать пуш-

ку. Освобождали мы Житомир, Гомель, Кременчуг. Стали к Львову подходить — меня серьезно ранило в плечо, попал в госпиталь. Три месяца лечили и списали в тыл: рука не действовала.

Григорий Лазаревич Мокрецов после поправки здоровья еще долго трудился: на кирпичном заводе, на воткинской ГЭС, затем с 1970 по 1986 годы до выхода на пенсию — вновь механиком в заводском кирпичном цехе. Он не теряет оптимизма и сегодня, хотя здоровье его сильно подточено войной.

Людмила Аркадьева.